

Нурлыгаянов Марат Фагимович

аспирант кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация:

На основе данных ряда мониторинговых исследований в статье проведен комплексный анализ основных тенденций развития гражданского общества в России на современном историческом этапе; рассмотрена также динамика ключевых показателей его развитости.

Ключевые слова:

гражданское общество, демократия, социально-политическая система, социально-политическая активность, политическое участие, социально-политическая динамика.

Nurlygayanov Marat Fagimovich

PhD student, Social Science Department,
Peoples' Friendship University of Russia

**THE TRENDS OF
CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT
IN THE MODERN RUSSIA**

Summary:

On the basis of a number of monitoring studies, the article carries out a comprehensive analysis of the main trends of civil society development in Russia at the present stage of history. The author discusses the dynamics of the key indicators of the civil society development.

Keywords:

civil society, democracy, socio-political system, socio-political activity, political participation, socio-political dynamics.

Переход от коммунистического режима к декларируемой в Конституции демократии в России происходит уже в течение более чем двадцатилетнего периода. Результаты перехода в то же время представляются спорными и противоречивыми. На наш взгляд, создание устойчивой демократической системы невозможно без вовлечения в политический процесс социальных инициатив «снизу», то есть формирования реального гражданского общества.

Гражданское общество мы понимаем как совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования (политических партий, групп интересов, групп давления) оказывать на нее влияние в принятии и реализации тех или иных общественно значимых решений. На Западе формирование институтов гражданского общества происходило эволюционно, параллельно возникновению правового государства, законодательной базы и институтов, защищающих права и свободы граждан; параллельно созданию социальной базы гражданского общества – городского среднего класса, ориентированного на либеральные ценности; параллельно формированию независимого суда и судебного процесса. Становление демократии в современной России было инициировано «сверху», новая социально-политическая система выступила мобилизационной моделью, созданной на основе западных образцов, но, в силу различных причин, оказалась не наполненной демократическим содержанием.

Несмотря на неоднозначные показатели развития демократии в нашей стране, необходимо признать, что важнейшим достижением сегодняшней правящей элиты стало преодоление системного кризиса и стабилизация социально-политической обстановки в современной России. Для периода, начавшегося с 2000-х гг., характерен рост таких индикаторов социального самочувствия, как степень адаптивности к переменам, уровень материального положения, самооценка перспектив на будущее. В «нулевые» годы был удовлетворен запрос россиян в стабильности в политическом, экономическом и социальном развитии, преодолены основные причины тревожности, такие как опасения распада страны, гражданской войны, экономического коллапса и т. д. Произошедшие изменения отразились на социально-политической системе, определив ряд новых тенденций в развитии гражданского общества в современной России.

Формирование и функционирование гражданского общества предполагает наличие широкого слоя среднего класса – экономически независимых, свободных и активных граждан. По данным мониторинговых исследований ИС РАН, в обществе отмечается увеличение социальных групп, отличающихся по степени экономической активности, растет доля так называемых «самодостаточных россиян». Это предприимчивые люди, склонные принимать на себя ответственность за происходящее в жизни, ориентирующиеся на собственные силы, уверенные в своей способности обеспечить себя и семью и не нуждающиеся для этого в поддержке со стороны государства.

С 2011 по 2014 г. доля этой группы выросла на 10 % и составила 44 % населения. Такое увеличение численности активной группы граждан позволяет сделать предположение о появлении значимой социальной опоры для обеспечения стабильного и устойчивого развития общества, способной стать основой активного гражданского общества. Эта группа по экономической активности и благополучию противопоставляется группе «инертных», доля которых составляет около 40 % [1, с. 8]. Однако ценностные ориентации двух вышеуказанных групп менее поляризованы. В представлениях населения о политике, о желаемом пути развития и позиционировании страны за рубежом степень дифференциации взглядов значительно ниже, чем в представлениях об экономической активности. Сегодня большая часть населения склоняется к консервативным ценностям, в число которых входят запрос на «сильную руку» и развитие собственной государственности в противовес ориентации на союз со странами Запада.

Как отмечают многие исследователи, в начале XXI в. в российском обществе сосуществовали две модели ценностных систем: западная, тяготеющая к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей, способная стать социальной базой демократического развития (25–30 % населения), и традиционалистская, или патриархально-коллективистская (35–40 %), проявляющая авторитарные предпочтения. Выделялась еще одна группа (30–35 %), с неустойчивым, амбивалентным сознанием, характеризующаяся одновременно приверженностью к демократии и тягой к сильной руке [2, с. 498].

Характерной новой тенденцией, определяющей возможности формирования гражданского общества, является увеличение доли этатистски настроенных граждан, которые ориентированы на политику возвращения общества к национальным традициям и возрождения России как великой державы, объединяющей разные народы. По данным ИС РАН, в современном российском обществе эта группа составляет больше половины населения (59 %). В то же время произошло существенное сокращение доли последовательно ориентированных на либеральные ценности граждан (8 %), стремящихся к реформированию общества на основе идеи прав человека, демократии и сближения с Западом [3, с. 8]. Такая тенденция в изменении массового восприятия либеральных ценностей обусловлена, с одной стороны, неоднозначным отношением населения к результатам либеральных реформ 1990-х, с другой – целенаправленной идеологической работой, построением новой идентичности, противопоставлением российских ценностей западным. Либерализм сегодня отождествляется с «вненациональным (антирусским) путем развития» [4], не подходящим для российских условий.

В количественных показателях социальной и политической активности не наблюдается значительных изменений. Удельный вес граждан, проявляющих постоянный или периодический интерес к политике, остается стабильным и составляет 30–40 %. Также не наблюдается явной динамики в политическом участии: и в 2006 г., и в 2014 г. готовность к политическому участию выражали лишь 19 % респондентов. Отсутствие политической активности самими респондентами объясняется тем, что «политика – не для рядовых граждан»: в 2014 г. так считали 32 %, позиции «все равно ничего изменить нельзя» придерживались 23 % [5, с. 43]. В обществе сохраняется отчужденность от политики, некоторые всплески интереса характерны лишь для периодов предвыборных кампаний, сохраняется культура наблюдателей, во многом объясняемая утратой веры в способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы.

Следует сказать о позитивной тенденции, проявляющейся в качественном изменении политического и общественного участия: оно становится более осмысленным и социально мотивируемым. С 2005 г. по 2013 г. почти в два раза, с 25 % до 41 %, выросло число тех, кто участвует в политической жизни, преследуя не личные интересы и даже не в противодействие государству, а прежде всего следуя идеям и ценностям общего блага, стремясь изменить жизнь к лучшему в своем городе, поселке. Как отмечает В.В. Петухов, «совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод... рассматривалось значительной частью населения, включая активистское меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная» [6, с. 119–123]. Безусловно, изменение мотивов политического участия является положительной тенденцией, определяющей новое «лицо» гражданской активности.

Изменение мотивов участия нашло отражение в изменении его институциональных способов. Сегодня особую популярность приобрели спонтанные низовые организации, действующие вне традиционных институтов. Основанные на принципах добровольчества и альтруизма, они возникают в ответ на различные социальные проблемы. Этот тип политического поведения получил название «политика частных вопросов», которая реализуется в виде временных общественно-политических движений, активно выдвигающих частные требования («движение в защиту Химкинского леса», «движение в защиту Хопра», акции «синих ведерок» и т. д.). Такие движения становятся основой формирования горизонтальных связей и групповой идентичности, дают опыт отстаивания интересов, который необходим для вызревания активистского типа личности.

Важным явлением, определяющим дальнейшие тенденции развития демократии в современной России, является вступление в сознательную жизнь первого постсоветского поколения, политические ориентации которого определяют характер дальнейшего развития гражданского общества, что актуализирует их рассмотрение. Д. Фурман в 2010 г. отмечал, что поколение, воспитанное при советской власти, для которого характерны страхи перед властью и свободным выбором, естественным образом уходит. Для поколения сегодняшней молодежи частная собственность, свобода информации, жизнь без идеологии, многопартийность являются привычными и воспринимаются как норма. Переход этого поколения к политической активности должен быть мотивирован стремлением к действительной демократии, основанной на честных и реально альтернативных выборах власти [7, с. 161–162].

В молодежной среде наблюдается положительная динамика в ценностных установках: если в начале 1990-х гг. всего 13,7 % молодежи полагали, что трудоустройство – личное дело каждого, а остальная часть молодежи перекладывала ответственность на государство, то в 2000-е гг. уже 70 % молодых людей верили, что ответственность за их благополучие лежит на них самих; сегодня эта доля составляет 71 %. Значительному изменению подверглись и отношения молодежи к возможным формам социального протеста: так, если в 2002 г. только 12 % молодежи были готовы напрямую обратиться в органы власти или в СМИ в случае нарушения их прав [8, с. 139–140], то в 2012 г. доля готовых отправить жалобу в органы власти составила 39 %, а выступить в СМИ были готовы до 49 % [9].

Конечно, резкое увеличение числа готовых к прямому обращению во многом объясняется новыми возможностями сети Интернет, но оно также связано с положительными изменениями в политической культуре. По данным исследований ИС РАН, в сознании российской молодежи доминируют активистские ценности. Так, в возрастной группе 18–25 лет 81 % респондентов отмечает необходимость активной борьбы при отстаивании своих интересов и прав, в то время как среди остального населения значение данного показателя составляет 66 % [10, с. 268–269].

В то же время, как показывают мониторинговые исследования, готовность к участию в политике является лишь декларируемой. Реальная активность молодежи, как и общества в целом, является большей частью неполитической. Уровень неполитической активности молодежи относительно высок – так, 31 % респондентов состоит в интернет-сообществах: сегодня это самая распространенная форма общественной активности. Для 65 % молодых россиян Интернет является основным источником информации об общественных событиях, спортивные движения включают около 10 % молодежи. При этом в деятельности организаций, направленных на защиту прав и свобод граждан, в отстаивании политических интересов участвуют до 8 % опрошенных представителей молодежи, что соответствует значению данного показателя по обществу в целом [11, с. 240–242]. Вышеуказанное позволяет заключить, что сегодня высокие политические и экономические запросы молодых россиян не встречают опоры в социально-политической среде, в связи с чем активность переводится в неполитическую сферу и сферу онлайн-общения, которые не оказывают значительного влияния на политический процесс.

Одной из важнейших новых тенденций в развитии гражданского общества выступают социальные сети и Интернет. Именно в онлайн-среде формируются структуры горизонтальных связей, с помощью которых может осуществляться мобилизация и выражается системное недовольство властью. В 2012 г. около 51 % опрошенных, являющихся потенциальными избирателями, регулярно пользовались Интернетом, из них 70,6 % использовали сеть для получения информации о текущих событиях и новостях. При этом для более 20 % пользователей (это большей частью люди молодого и среднего возраста) Интернет является основным источником политической информации.

Наблюдается некоторый рост доверия к Интернету как источнику актуальной политической информации: в 2010 г. лишь около 4 % населения считали новостные сайты источником информации, которому они доверяют больше всего, в 2012 г. данный показатель возрос до 11 % [12, с. 88]. Кроме того, среди пользователей Интернета в целом преобладают либеральные ценности; эти люди лучше осведомлены о внутри- и внешнеполитической обстановке и настроены более критически к получаемой информации [13, с. 119–120].

Вместе с тем Интернет нельзя рассматривать в качестве альтернативы реальным социальным взаимоотношениям, нельзя преувеличивать его возможности по артикуляции интересов. В связи с Интернетом говорят о появлении «слабых социальных связей» и новых «мягких» формах политического участия, характерных для молодежи: это общение с единомышленниками в социальных сетях и на форумах. Сетевую активность сегодня можно рассматривать лишь как форму имитационного участия – поскольку интернет-активность не выливается в реальные политические действия. Политическая и социальная активность в Интернете, как и во всем обществе, выстраивается вокруг отдельных энтузиастов, поэтому в ситуации, когда среди населения

очень мало активистов, от Интернета нельзя ожидать значительного всплеска политического участия и социальной активности.

Новой тенденцией, отрицательно влияющей на развитие гражданского общества в современной России, выступает ограничение вертикальной социальной мобильности населения. Как указывает Н.Е. Тихонова, в 1990-е гг. важнейшими факторами, определявшими положение человека в обществе, являлись тип и сфера занятости, поведенческие стратегии, адаптированность к рыночным условиям, регион проживания (состояние локального рынка труда) – то есть факторы, в большей степени связанные с активностью самого человека. Также новой тенденцией в развитии социальной структуры общества является изменение значимости факторов, определяющих статус человека, что позволяет сделать вывод о закрытии социальных лифтов.

Во второй половине 2000-х гг. произошло сокращение значимости факторов стратификации, связанных с личностью человека, наиболее важным из которых сегодня выступает статус родительской семьи; также наблюдается рост значимости условий социализации, что говорит о межпоколенческой консервации статуса. Еще одним важным фактором стратификации стало наличие социального капитала, а также степень близости к государству, занятость в государственных структурах [14, с. 76].

Результаты изменений отразились на общественном мнении: сегодня социальные группы, обладающие наибольшим потенциалом власти и собственности, представляются населению сомнительными, наиболее коррумпированными. Большая часть общества не принимает итогов приватизации, что обусловлено тем, что социальная структура современного российского общества далека от идеалов меритократической справедливости. Гражданское общество может развиваться в условиях материальной обеспеченности прав и свобод, при уважении богатства и возможности его достижения, однако при закрытии социальных лифтов результативность индивидуальной активности снижается, возможности для самореализации уменьшаются, что отрицательно влияет на социальную активность.

Наряду с ограничением вертикальной социальной мобильности за последние годы произошло «закрытие» власти от общества, которое потеряло возможность институционально оказывать влияние на политический процесс, что отражается в общественном восприятии роли различных институтов в жизни страны. По данным Левада-Центра, при ранжировании наиболее важных институтов по влиянию в обществе за период с 2001 по 2015 гг. на первом месте стабильно оказывается Президент, партии и профсоюзы получают наименьшую общественную поддержку (3–5 %). Государственная дума и Совет Федерации занимают места в конце первого – начале второго десятка. При этом за указанный период упала роль губернаторов (перешли с 5-го на 11-е место) и СМИ (с 4-го на 7-е место).

В то же время резко выросла роль президентской администрации (переход с 11-го на 4-е место), ФСБ (с 8-го на 2-е место), армии (с 6-го на 3-е место). Отмечается некоторый рост влияния церкви [15, с. 85]. Можно заключить, что наблюдается негативная тенденция в снижении роли институтов, призванных институционально выражать и отстаивать общественные интересы, посредством которых общество может оказывать влияние на государство, и росте авторитета механизмов управления обществом.

Результатом являются изменения представлений граждан о демократии: при ответе на вопрос «Что такое демократия?» с 2010 г. на первое место впервые вышел показатель «активное участие граждан в управлении государством», опередивший показатели «свобода слова», «стабильность» и «экономическое процветание» [16, с. 31]. Такое изменение говорит, во-первых, об удовлетворенности большей части россиян в сфере свободы слова и экономической стабильности и, во-вторых, о возникновении в обществе запроса на работающие демократические институты, о массовом осознании необходимости участия в жизни страны и отсутствии реальных каналов для его осуществления.

В российском массовом сознании прочно закрепилась ценность демократической системы, что, безусловно, можно отнести к позитивным тенденциям. С 2002 по 2012 гг. доля населения, полагающего, что Россия должна быть демократической страной, последовательно выросла с 72,7 % до 77 % [17, с. 50]. При этом с 2005 г. по 2014 г. уменьшилось количество респондентов, полагающих, что демократия должна быть построена по образцу Западных стран (24 % и 13 % соответственно) и увеличилась доля населения, считающего, что России необходима особая, соответствующая национальным традициям демократия (45 % и 55 %) [18, с. 41]. Эти запросы общества определяют важность действий правящей элиты по конструированию модели политической системы, соответствующих отечественной политической культуре, которая при этом должна быть непременно демократической.

При анализе новых тенденций в формировании гражданского общества невозможно не указать массовые протестные выступления «За честные выборы!», прокатившиеся по стране в 2012 г.

после выборов в Государственную думу 2011 г. Протесты не повлекли за собой значительных изменений в политической системе, однако «всколыхнули» страну, высветив значительное количество проблем. Как показывают мониторинговые исследования, массовые выступления были продиктованы рядом причин и предопределены объективными социально-политическими процессами.

Начиная с кризисного 2008 г. наблюдался рост недовольства и чувства неопределенности в обществе. Так, по данным Левада-Центра, если в 2007 г. 38 % опрошенных полагали, что в России происходит рост и развитие, 31 % – стабилизация и 21 % – торможение и застой, то в 2011 г. ситуация стала обратной: указанные пункты выбирали 18, 32 и 36 % соответственно [19, с. 29]. С 2008 г. происходило снижение общего доверия к первым лицам государства: к началу 2012 г. число респондентов, оказывающих доверие В.В. Путину, сократилось с 65 до 41 %, Д.А. Медведеву – с 39 до 28 % [20, с. 4]. Поводом для открытого выражения протеста стала известная «рокировка» – символическое возвращение власти Д.А. Медведевым В.В. Путину в 2011 г.: общество оказалось не готово к публичной демонстрации закрытого характера принятия политических решений.

Основным социальным субъектом протеста, определившим облик гражданского общества, стал так называемый «креативный класс», появление которого можно отнести к новым тенденциям. По данным ВЦИОМ, в 2000-е гг. социально-политическая активность была присуща по большей части пенсионерам и льготникам, основу же новых протестов составляет молодежь и городское население со средним социальным статусом и выше, занятое преимущественно в сервисном секторе экономики. Так, в протестном движении 2012 г. в основном участвовали мужчины (65 %) в возрасте до 40 лет (60 %), имеющие высшее образование (около 80 %), жители крупного областного или краевого центра, относящие себя к средним слоям общества и достаточно часто (не менее раза в неделю) использующие социальные сети [21, с. 73–75]. Поэтому мы вправе говорить, что за период реформ в российском обществе появилась социальная группа, обладающая достаточным экономическим и социальным капиталом, способная решать инновационные задачи, участвовать в политическом процессе, которая оказалась не удовлетворенной политическими условиями, что заставило ее принять участие в протестах.

Однако, не желая признавать системные причины протестов, государство отдало предпочтение силовому и идеологическому сопротивлению. Это сопротивление получило развитие в противопоставлении «креативного класса» крупным городам остальному населению, в особенности техническим работникам промышленной провинции. После массовых митингов в Москве протестующие стали представляться в федеральных СМИ в качестве врага или иностранного агента, разрушительной силы, которая направлена против достигнутой стабильности. Такие заявления совпали с доминирующими в обществе антизападными настроениями, поэтому оказали на общественное мнение существенное влияние. В 2012 г. 41,7 % опрошенных респондентов выразили уверенность в том, что уличные акции протеста были организованы Западом с целью ослабления России, в то время как не согласилось с такой точкой зрения только 33,9 % населения [22, с. 267]. Очевидно, что государством не был реализован потенциал «креативного класса», способного стать основой новых демократических преобразований. Вместо этого произошло отстранение государства от формирующегося гражданского общества.

Таким образом, в развитии гражданского общества в нашей стране наблюдается ряд противоречивых тенденций. Для оценки динамики социального потенциала гражданского общества в современной России представляется необходимым использовать подход В.К. Левашова, применяемый в мониторинговых исследованиях «Как живешь, Россия?».

Для оценки потенциала гражданского общества используется индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе, составляемый из семи индикаторов: равенства всех граждан перед законом (в 2013 г. 24 % опрошенных ответили положительно), соблюдения личной безопасности (31 %), прав человека (34 %), социальных гарантий (43 %), свободы политического выбора (57 %), терпимости к чужому мнению (43 %), соблюдение свободы слова (55 %) [23, с. 45]. В динамике индекса обеспечения государством норм демократической жизни наблюдается положительная тенденция: так, если в 1998 г. значение индекса составляло 5,9 %, то в 2007 г. – уже 10,4 %, а в 2013 г. достигло 16,9 %.

За указанный период выросло количество респондентов, положительно оценивающих проводимые экономические реформы (9, 29 и 29 % соответственно), количество респондентов, считающих себя обеспеченными (4, 16 и 19 % соответственно) [24, с. 12; 25, с. 40]. В 2014 г. доля политически активных граждан составила 12 % (участие в работе партий, правозащитных организаций, интернет-сообществ, в акциях и др.), при благоприятных условиях эта доля населения может увеличиться до 20 % [26, с. 24].

Таким образом, несмотря на значительные трудности, сопровождающие процесс формирования демократической социально-политической системы, наблюдается медленный, но устойчивый процесс вызревания гражданского общества. При этом резервы формирования полноценного гражданского общества все еще значительны.

Дальнейшее развитие гражданского общества обусловлено рядом факторов, совокупное воздействие которых будет определять возможности и направленность активности граждан. Для максимальной реализации потенциала гражданской активности необходимо создание позитивной картины будущего страны и каждого ее гражданина, в интересах которого и должно осуществляться взаимодействие гражданского общества и государства. Особого внимания государства требуют создание условий для публичной конкуренции между политическими силами и контроль над бюрократическим аппаратом и судебной системой. От этих действий во многом зависит дальнейшая судьба демократии в нашей стране, а также возможность выхода государства на путь устойчивого развития.

Ссылки:

1. Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном). М., 2015.
2. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М., 2003.
3. Информационно-аналитическое резюме...
4. Краснов М. Сосуществование разных [Электронный ресурс] // Независимая газета. 30.01.2013. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-01-30/9_difference.html (дата обращения: 03.05.2015).
5. Общественное мнение – 2014: ежегодник. М., 2015. 234 с.
6. Петухов В.В. Демократия и участие: новые вызовы // Свободная мысль. 2013. № 2.
7. Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010. 168 с.
8. Карпова Н.В. Социология политической культуры современной России. М., 2012.
9. Шереги А.А. Политические установки студентов российских вузов [Электронный ресурс]. 08.09.2013. URL: <http://www.civisbook.ru/publ.html?id=481> (дата обращения: 03.05.2015).
10. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011. 328 с.
11. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: идеологические установки и политическое участие в России // Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М., 2014. 424 с.
12. Козырева П.М., Смирнов А.И. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России. М., 2015. 320 с.
13. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2013. 400 с.
14. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. 408 с.
15. Общественное мнение – 2014.
16. Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. 2012. № 4.
17. Козырева П.М., Смирнов А.И. Указ. соч. С. 50.
18. Общественное мнение – 2014.
19. Общественное мнение – 2013: ежегодник. М., 2014. 252 с.
20. Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. 2013. № 1.
21. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2.
22. Козырева П.М., Смирнов А.И. Указ. соч. С. 267.
23. Гражданское общество: измерение и потенциал / В.К. Левашов [и др.]. М., 2012. 55 с.
24. Как живешь, Россия? / В.К. Левашов [и др.]. Экспресс-информация. М., 2014. 48 с.
25. Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. 2013. № 1.
26. Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. М., 2014.

References:

1. *Information-analytical summary of the national survey. Russian society in the context of new realities (the main theses) 2015*, Moscow.
2. Gorshkov, MK 2003, *Russian society in transformation. Myths and reality (sociological analysis). 1992-2002*, Moscow.
3. *Information-analytical summary of the national survey. Russian society in the context of new realities (the main theses) 2015*, Moscow.
4. Krasnov, M 2013, 'Coexistence of different ones', *Nezavisimaya Gazeta*, Jan. 01, retrieved 03 May 2015, <http://www.ng.ru/ideas/2013-01-30/9_difference.html>.
5. *Public Opinion - 2014: Yearbook 2015*, Moscow, 234 p.
6. Petukhov, VV 2013, 'Democracy and Participation: New Challenges', *Free Thought*, no. 2.
7. Furman, D 2010, *Spiral movement. Russia's political system in a number of other systems*, Moscow, 168 p.
8. Karpova, NV 2012, *Sociology of the political culture of modern Russia*, Moscow.
9. Sheregi, AA 2013, *Political attitudes of students of Russian universities*, Sep. 08, retrieved 03 May 2015, <<http://www.civisbook.ru/publ.html?id=481>>.
10. Gorshkov, MK, Krumm, R & Petukhov, VV (ed.) 2011, *Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements*, Moscow, 328 p.
11. Petukhov, VV 2014, 'The generation of "zero": the ideological orientation and political participation in Russia', *Russia and China: the youth of the XXI century*, Moscow, 424 p.

12. Kozyreva, PM & Smirnov, AI 2015, *Results of radical reforms and the problem of support for the principles and values of democracy in Russia*, Moscow, 320 p.
13. Gorshkov, MK, Krumm, R & Tikhonova, NE (ed.) 2013, *What are the Russians dream: the ideal and the reality*, Moscow, 400 p.
14. Tikhonova, NE 2014, *The social structure of Russia: theory and reality*, Moscow, 408 p.
15. *Public Opinion - 2014: Yearbook 2015*, Moscow, 234 p.
16. Gaman-Golutvina, OV 2012, 'Metaphysics of elite transformations in Russia', *Polis*, no. 4.
17. Kozyreva, PM & Smirnov, AI 2015, *Results of radical reforms and the problem of support for the principles and values of democracy in Russia*, Moscow, p. 50.
18. *Public Opinion - 2014: Yearbook 2015*, Moscow, 234 p.
19. *Public Opinion - 2013: Yearbook 2014*, Moscow, 252 p.
20. 'Change Monitoring: basic tendencies' 2013, *Bulletin of the of public opinion*, no. 1.
21. Volkov, D 2012, 'Protest rallies in Russia in the late 2011 - early 2012: The request to the democratization of political institutions', *Herald of public opinion*, no. 2.
22. Kozyreva, PM & Smirnov, AI 2015, *Results of radical reforms and the problem of support for the principles and values of democracy in Russia*, Moscow, p. 267.
23. Levashov, VK [et al.] 2012, *Civil Society: Measurement and potential*, Moscow, 55 p.
24. Levashov, VK [et al.] 2014, *How are you, Russians?*, Express information, Moscow, 48 p.
25. 'Change Monitoring: basic tendencies' 2013, *Bulletin of the of public opinion*, no. 1.
26. *Civic Activism: new subjects of social and political action 2014*, Moscow.